

12+

Арсения Буркова

Чайки и салфетки

Подсказки
на творческом пути

Арсения Буркова

**Чайки и салфетки. Подсказки
на творческом пути**

«Издательские решения»

Буркова А.

Чайки и салфетки. Подсказки на творческом пути / А. Буркова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-691150-5

В этой книге собраны заметки, рассказы и очерки разных лет. Среди них можно встретить размышления о творчестве, фантастические рассказы, сказочные наброски, сны, стихи и элементы личного мифа.

ISBN 978-5-00-691150-5

© Буркова А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
О поиске творческого почерка	7
Личный миф	9
Сны	12
Поэтические впечатления	13
«Говорят, иногда на деревьях бывают листья...»	14
Слова	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Чайки и салфетки

Подсказки на творческом пути

Арсения Буркова

*В этой книге итак очень много моих слов.
Пусть хотя бы на форзаце будет молчание.*

© Арсения Буркова, 2026

ISBN 978-5-0069-1150-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

И в этой моей книге — аккуратные следы творческого поиска.

В Личном мифе собраны биографические заметки. В Снах, Поэтических впечатлениях и Словах — размышления о снах, стихах и магии слов. Еще есть игра-оракул, сборник коротких зарисовок о жизни волшебного королевства, три коротких рассказа и одна сказка для поиска себя.

О поиске творческого почерка

Писательство — очень специфическая форма творчества, которая сталкивается с огромным шквалом критики, особенно внутренней. Тут я могу ошибаться, но, кажется, ни одно другое увлечение не подвергается стольким сомнениям. Можно выращивать розы, вязать, вышивать, рисовать или даже читать, и при этом не задаться вопросом, зачем ты это делаешь и имеешь ли на это право. А с писательством приходится быть осторожными.

В школе мы изучали великих писателей, поэтому нам порой кажется, что чтобы писать, надо быть кем-то великим. Или, напротив, писать — единственный верный путь к величию. С другой стороны, пишут сейчас очень многие, и увлечение это кажется слишком уж массовым, и книг как-то подозрительно много: кто их вообще будет читать? Вот если бы книги увядали, изнашивались или хотя бы выгорали, то в создании новых, может, и было бы какой-то смысл...

Я не буду никого лечить от подобных неврозов. Во-первых, может, они вообще чужды моему читателю. Во-вторых, я не знаю, как можно от них достоверно вылечить, да и стоит ли вообще это делать.

Я скажу лишь то, что тот, кто хочет писать, имеет право это делать. Тот, кто не хочет, имеет право этого не делать. Эти очевидные вещи, кажется, должны быть прописаны в какой-нибудь конституции.

Писать — это участвовать в разговоре. В этой беседе мы слышим тех, кто об этом не знает, и нас услышат те, о ком не знаем мы, да и то — если повезет. Мы обречены не знать, войдут ли наши слова в вечность или сгорят под клеймом графомании, мы рискуем ошибиться и не иметь возможности исправить напечатанную ошибку, мы рискуем остаться непонятными, неслышанными и вообще какими-то не совсем существующими, вымышленными.

Что ж. Продолжать писать — значит сознательно идти на риск.

Придется выдерживать собственную неидеальность, отсутствие обратной связи и сомнения. И вот что важно помнить.

Есть время засунуть свои сомнения куда подальше, а есть время выпустить их на свет и дать им место.

Неидеальность — простительна. Неидеальных легче любить.

А обратной связью в тихие времена пусть служат моральный закон внутри и звездное небо над головой. И однажды вполне может получиться нырнуть так глубоко, где между звездным небом и моральным законом просто нет разницы.

Творение мира не завершено. Мы — полноценные участники разговора. Те, кто были до нас, тоже ошибались. Мы можем их слушать, восхищаться ими, учить написанное ими наизусть, но мы так же имеем право с ними спорить, писать по-своему или даже не обращать на них внимания.

Мы не обязаны быть каждую секунду своей жизни оригинальными. Даже если мы пишем о единорогах, точно как миллионы писателей вокруг нас, представьте, как это приятно самим единорогам.

Нет смысла сравнивать себя с другими в надежде понять, в чью пользу сравнение. Нет никакого смысла сравнивать себя с самим собой с надеждой заметить одни только улучшения.

Фотогеничнее и артистичнее всего мы в детстве. Когда мы взрослые, на нас все держится. А в старости мы можем своим примером нести надежду.

Сравнивать себя с самим собой стоит только для того, чтобы заметить: что от нас легко отваливается, а что остается с нами навсегда.

Со мной писательство так давно, сколько я себя помню. А когда я научилась читать, то поняла: книги, тексты — это особое пространство, место в котором тебе никто не даст. Его можно только создать самой.

Я пишу этот текст с благодарностью всем тем писателям, чьи книги попали мне в руки, в глаза и в сердце. И всем тем читателям, кого тронет то, что я тут говорю.

Личный миф

Собираясь смотреть на звезды, я взяла с собой зонт. Мало ли кто может встретиться в собственном дворе.

Во дворе было очень светло от фонарей и новогодних гирлянд, украшавших подъезды. Ужасно досадно, что у меня не было этой зажигалки, которая мгновенно собирает свет. Пары минут бы мне хватило, честно.

Я пошла к дороге, где было темнее. Очень здорово пахло хвоей. Днем все перебивает запах горячего асфальта, и разве что у фруктовой лавки вспоминаешь, что умеешь дышать.

Но сейчас ночь, и асфальт спит.

Из-за леса и домов я увидела только те созвездия, что были в зените и немного на западе. Но все они были на своих местах, там, где и обещали.

Это постоянство звезд меня поражает. Нет, я знаю, что они, как все нормальные люди, могут взрываться, рождаться, умирать и все такое, но все же — мне бы их стабильность. Я их не видела, наверное, полгода, а они — все в тех же созвездиях. И, главное, я их узнала. Возможно, вся моя стабильность потрачена на память о небе. В таком случае, не о чем жалеть.

Смотрела и думала: вот бы однажды родиться на острове в тихом океане, неподалеку от экватора, и искать по звездам путь к соседним островам, где растут кораллы и водятся большие черепахи. Было бы здорово.

Но пока я просто женщина с зонтом посреди безоблачной летней ночи.

«Море ты и в море возвратишься», — думала я сегодня, сидя в душе. Последние дни мне часто снится море, но довольствоваться приходится дождем и водопроводной водой, которые, прокатившись по мне, вернутся в океан.

Каждый день я живу, теку, тоскую по морю на пару с душем. Строю планы и волнуюсь, вдруг им не суждено сбыться, вспоминаю прошлые провалы и достижения, сомневаюсь в том, имеют ли они сейчас хоть какое-нибудь значение.

И как это все примирить в себе: мое одиночество и связанность с другими, желание пускать корни и страх увязнуть, знание себя и импульс поменяться, мечту оставить след и страх наследить?

Будет ли у моей воли хоть капля свободы, если за шкурку меня однажды схватит судьба и потащит, куда ей вздумается?

Это, конечно, тревожно. Но, кажется, тревожит не только неопределенность мира и будущего, сколько своя собственная. Что я еще такого выкину?

Источник неопределенности — я сама.

Пусть этот день будет вырван из контекста. И эта мысль. Быть одновременно законченным и обрывочным, самодостаточным и одним из, рассказавшим слишком много и не сказавшим почти ничего — это ли не ответ?

Пусть я могу или знать, куда иду, или знать, где я сейчас. Это похоже на тот самый принцип неопределенности, фундаментальный и загадочный.

Но, кажется, следовать такому принципу — единственный способ быть и течь, чтобы однажды вернуться к морю.

Бывают такие мурашечные моменты, когда в жизнь превращается вымысел. Причем не чей-нибудь, а мой собственный.

Вот например летом мы шли от станции к дому и заметили, что вокруг одной лужи стоят люди и что-то в ней разглядывают. Мы тоже остановились, присмотрелись: а там рыба! Две маленькие рыбки плещутся. Я тогда подумала, что сплю, ведь незадолго до этого сочинила свою акулу в луже (которая сейчас уже превратилась в кашалота).

А недавно мы были с сыном на занятии по лепке. Кроме нас там была одна девочка с бабушкой. Бабушка была будто глубоко в себе, ни на кого не поднимала глаза, но в конце занятия вдруг спросила: а кто-нибудь знает легенды об альбатросах? Нам сегодня на балкон сел огромный альбатрос.

Я тут же, конечно, потеряла дар речи. Вернее, наоборот! Резко его обрела и начала рассказывать, как мы с малышом любим альбатросов и сочиняем про них сказки, в одной из которых птица как раз садится на окно одного дома...

Такого не бывает, ведь всем известно, что альбатросы живут в южном океане и вообще редко когда выбираются на сушу. А тут, говорят, они живут прямо в нашем районе, и, если поднять голову, можно увидеть, как они парят.

На самом деле я, конечно, уверена в том, что эта бабушка приняла за альбатроса огромную чайку. Но это и не так важно. Мне важен сам рассказ про альбатроса на балконе, а уж основан ли он на реальных событиях, фантазии, невежестве или сне — без разницы.

Ну, почти.

Новогоднюю историю из своего садичного детства я считаю важной частью личного мифа.

На елки всегда надо было учить стихотворение, за рассказ которого Дед Мороз выдавал подарок. Мама выбрала мне необычное, очень красивое стихотворение, где было слово «просека», и я очень гордилась: и словом, и мамой, и собой. И все рассказала.

Очень ждала, какое же стихотворение будем разучивать на следующий год: наверное, еще сложнее и красивее? И страшно разочаровалась, когда мама велела рассказывать ТО ЖЕ САМОЕ. Мне было очевидно, что Дед Мороз не дурак и два раза слушать одно и то же не будет, но мама была неумолима.

Тогда я решила взять дело в свои руки и написала стих сама. Получилось авангардно. Кажется, я опередила свое время: рифмы не было, ритм был своеобразный. Дед Мороз очень удивился, я собой страшно гордилась, а мама, кажется, долго приходила в себя от ужаса. Но ничего, пришла.

И теперь, когда мне кажется, что я себя потеряла, я вспоминаю эту историю и то, что я — авангардная поэтесса лет с четырех. Или пяти.

Недавно мы с сыном были на елке, а Дед Мороз дарил подарки: конечно, за стих, песню или танец. Но зрители — малыши, никто не готовился. Одна мама клещами вытягивает из дочери стих про мишку косолапого, другая из сына — какую-то неизвестную науку песнь, но большинство родителей натываются на молчание, достойное уважения. Организаторы концерта смотрят на все это и машут актерам, чтобы те побыстрее уже раздали всем игрушечных лошадей из мешка.

И вот подходит наша очередь. Сын мой стихи знает, но рассказывает их только по велению сердца и никак иначе. Я безуспешно предложила ему поведать хотя бы про косолапого мишку: отказ. Но красную лошадь все же нужно заслужить! И я говорю: а Расскажи загадку из сказки. Из той самой сказки, которую я написала. Сын эту загадку любит, к тому же она короткая, очередь не задержим. Звучит она так: «Зорко смотрит желтый глаз, а другой не видит нас». В общем, сын рассказал, Дед Мороз не отгадал, и, возможно, теперь должен нам еще одну лошадь.

Так и получилось, что деды морозы продолжают слушать мои стихи в исполнении следующих поколений.

СНЫ

Проснулась со странной мыслью, что нищие — это слетки мироздания, за которыми так никто и не прилетел.

Моя авторская методика трактования снов вряд ли вообще поддается методической обработке. Потому что основной ее смысл в том, чтобы толковать сон, не до конца проснувшись.

Недавно, например, мне приснилась кошка, которая спокойно гуляла по дну бассейна, наполненного водой. И не успела я открыть глаза, как уже точно знала, что кошка эта символизирует способность души жить и после смерти.

Вряд ли бы я поймала такую трактовку, находясь в ясном сознании.

Я не умею внимательно смотреть сны, да и не всегда хочу. Доверять этой тайне внутри себя — тоже важно.

Но кое-что о личном символизме сновидений знаю. Ногти, например, означают психику. А однажды мне приснилось, будто я примиряю кожаную куртку на голое тело и никак не могу выбрать кофту, с вешалки беру очень приятный на ощупь, но почему-то ковер. Когда проснулась, поняла, что это про идентичность и поиск себя.

Хотя разговор о снах может навевать скуку, он важен. Сны — это пути неведомого. Это послание: мы никогда до конца себя не поймем. Мы загадочнее, чем кажется. Мы — это тайны, и нам надо уметь с собой обращаться, не пытаясь себя разгадать.

Чтобы запоминать сны, надо о них думать, посылать себе сигнал: сны важны.

Рассказать свой сон — это поведать что-то очень личное и при этом не шокировать подробностями реальной жизни.

Помнить свои сны и слушать чужие — это знак глубокого уважения.

Поэтические впечатления

Одно из поэтических впечатлений дня: контрейл рассыпался пунктиром.

Вообще поэтических впечатлений сегодня много.

На нежно-голубом небе растерянно болтается прохудившийся диск луны.

Неправдоподобно белые шапки снега на фонарях и елях выглядят так, будто у реальности просто не хватило краски и теперь из них рвется божественный свет.

А остальные подарки мироздания не буду ни фотографировать, ни превращать в слова.

Просто их замечу и затрепещу. Может, даже заплачу.

В конце концов, подарки передаривать невежливо. По крайней мере, не прямо так сразу! Пусть они сначала полежат, попылятся. Побудут.

Вышла обратно всего через час, и эта самая луна уже не бледная, а так уверенно сияет на небе цвета морской глубины, и фонари вдоль канала, прямо каждый-каждый, пытаются ей подражать, но слабо у них выходит.

А вдруг маленькое пламя свечи — это на самом деле большое, но очень далекое пламя костра, такого, вокруг которого нужно сидеть и разговаривать.

Писать стихи — это настоящая магия. Вот в голове пару недель как крутятся две нелепые строчки. И в один прекрасный день ты решаешь: сегодня я его напишу. Очень страшно, потому что пока никакого стиха нет, только пустота, ну и две строчки. О чем писать, что говорить, как рифмовать — непонятно. Остается доверять своим шагам. И вот идешь вдоль проспекта, на автомате огибаешь машины, вертишь в голове слова, перебираешь, передумываешь. Потом едешь в троллейбусе — хорошо бы еще не забыть оплатить проезд — и продолжаешь что-то сочинять.

В какой момент удалось понять, что хотела сказать? Как так вышло, что оно раз — и дописалось, и уже потом пересчитываешь четверостишья, а их 12, канонично-новогодне.

Потом выкладываешь его, читаешь вслух, не можешь уснуть, меняешь последнее четверостишие, а потом... оно готово.

Еще утром его не было. А теперь оно есть. И хочется побежать его гуглить, ведь это невозможно, что никто раньше до него не додумался, ведь наверняка это я просто вспомнила чье-то чужое, и вот сейчас меня запрут в тюрьму за невольный плагиат.

Но не бежишь. Потому что помнишь: еще утром не было ни-че-го. Только две нелепые строчки.

«Говорят, иногда на деревьях бывают листья...»

Говорят, иногда на деревьях бывают листья.
По ночам кто-то добрый наводит порядок в мыслях.
Бывают дни, когда утро можно тянуть, как резину,
Потом долго гулять, изучая витрины книжных
магазинов.
Иногда внутри безнадежно что-то прокисло,
Истекает срок годности у флакончиков с харизмой,
И тогда я читаю трактат, весь закапанный воском,
О пользе стихосложения
И управлении ритмами мозга.

Иногда соблюдение правил
Исключает возможность бежать.
Когда все чересчур одинаково,
Когда все чересчур одинаковы,
Нужно тщательно
перемешать.

Однажды в пособии для учителей начальных классов я прочитала: **«От маленького писателя — к большому читателю»**. Представляете, это такая методика, по которой дети пишут свои истории, чтобы лучше понимать чужие.

Поэтому если вы всегда хотели писать, но боитесь, что не умеете — то умеете. Этому учат в начальной школе.

Не только чтение помогает письму, но и наоборот. После того, как напишешь свое, ныряешь в книги других с энтузиазмом жителя глубин материка, который попал на курорт и теперь бежит по песчаному пляжу к теплым волнам.

А писатель по сравнению с читателем всегда маленький. Это верно не только для детей. Потому что даже если я пишу с усердием Толстого, на фоне мировой литературы получаются мелочи.

Но пусть это капля, зато она в море.

В общем, формула счастья от сирийских мистиков — **создавать свое и восхищаться чужим** — работает до сих пор.

Слова

Слова бывают разными.

Бывают слова-щекоталки, от звуков которых смешно.

Бывают слова-колючки, которые потом не знаешь чем выдрать.

Бывают слова-пуфики, от которых внутри все становится мягким и спокойным.

Бываю слова-заклинания. Это обычно чьи-то имена.

А бывают слова, которых... не бывает. Они очень нужны, и их ужасно не хватает.

Приходится выдумывать.

Пришедшую в голову историю можно написать на первый же день. Тогда она будет свежей, юркой, едва оформленной, но очень полной энтузиазма и внутренней правды.

Можно написать на второй день. Тогда она будет чуть спокойнее.

Неделю спустя она станет веселее. Через месяц лишится шелухи и, возможно, бойкости.

А что с ней будет через год, или два, или десять — по-настоящему интересно.

Со временем история или сожмется до сути своей, или разрастется, как дикая мята, или переплавится во что-то другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.